

УДК 908+913(470)

DOI: 10.15393/j14.art.2020.149

Леонтьева Татьяна Геннадьевна*

Осипова (Полевая) Анна Владимировна**

Тверской государственный университет

*Профессор, декан Исторического факультета

**Аспирант Исторического факультета.

Хозяйство тверских карелов и природно-ресурсный потенциал региона (XVII—XVIII вв.)*

Аннотация. В статье определяется влияние окружающей среды и естественных ресурсов (географического положения, рельефа, сырьевого, климатического, водного, земельного, ботанического и биологического факторов) на процессы адаптации карелов и особенности обустройства их хозяйства в Тверском Верхневолжье, рассматриваются особенности географического положения Тверской Карелии. Авторы отмечают взаимосвязь успешной интеграции мигрантов в сложившуюся систему регионального хозяйства и природных факторов.

Ключевые слова: Тверская Карелия; Верхневолжье; XVII—XVIII вв.; карелы; мигранты; окружающая среда; процессы адаптации.

Массовое переселение карелов с исторической родины на территорию Тверского Верхневолжья состоялось не в лучшие времена. Западная Карелия несколько веков подряд являлась объектом территориальных притязаний Швеции, а после 1617 г., когда Корельский уезд оказался под властью шведов почти на столетие, началась периодически активизировавшаяся миграция местного православного населения вглубь России. В это время Тверской край, ранее крупный экономический центр Северо-Восточной Руси, оказался в зоне польско-шведской интервенции, которая наряду с моровой язвой резко снизила численность населения. Так, В. И. Покровский, член Тверской учёной архивной комиссии в «Заметке о карелах Тверской губернии» отмечал, что вся северо-западная часть Весьегонского уезда и западная часть Бежецкого были «обезлюжены» и представляли собой сплошные лесные пространства [1: 84]. Надеяться на восстановление хозяйства на опустошённых землях силами населения окрестных территорий не приходилось. И, по мнению известного исследовате-

* Исследование выполнено в рамках проекта Академии Финляндии «The Integration of the Karelian Periphery in European Society» No. 14997

ля начала XX века Ю. В. Готье, именно этим объясняется появление в некоторых северных областях Московского государства, в том числе и Замосковья* «выходцев из-за Шведского рубежа — карел» [13: 299]. Подобный способ решения демографических и хозяйственных проблем характерен для пред-индустриальных обществ Западной Европы [18: 53]. Не удивительно, что и в России прибегли к нему для достижения желаемого прироста населения. Как и в Западной Европе, в России складывалась система государственного вмешательства в экономику, поэтому московское правительство легко обещало карелам, имевшим репутацию трудолюбивых земледельцев, раздачу земельных наделов и разнообразные льготы.

В поисках новых мест обитания карелы следовали маршрутами, указанными так называемыми знатцами (разведчиками-вербовщиками), которые заранее осматривали места, предназначенные для заселения, указывая, сколько семейств может обосноваться на предполагаемых «остановках» [10: 83]. В показаниях карелов, ушедших со шведской территории в первой половине XVII века, первыми местами пребывания называются Валдай, Торжок и другие поселения, лежавшие на пути из Новгорода в Москву. В 60-х гг. XVII века этими же путями двигались уже более значительные массы переселенцев, размещаясь преимущественно на берегах Медведицы и её северных притоков, по течению Мологи в Бежецком уезде.

В начале XVIII века «по великому хозяйственному распоряжению Великого Петра» карелы появляются в междуречье Медведицы и Каменки [3: 1—1 об.]. Позднее, в период массовых миграций они оседают и в других смежных уездах — Новоторжском, Весьегонском, Вышневолоцком [22: 142]. Ареал расселения определялся «естественными» границами: на севере — бассейнами рек Кеза и Молога, на западе — по реке Цне, на юге — по реке Медведице, на востоке — до Бежецкого уезда. Северную часть этой территории замыкали деревни Чамерово, Чистая Дубрава, Кесьма, а южную — Алешино, Устюги, Дилацево [12: 31]. В 30-е гг. XIX века с лёгкой руки одного из первых исследователей быта карелов-мигрантов Ф. Н. Глинки эти территории стали называть Тверской Карелией. Почему именно их выбрали переселенцы в качестве нового места жительства?

Для карелов, покинувших суровый север в поисках лучшей жизни, естественные условия новых мест обитания отдалённо напоминали историческую родину. Северо-западное Приладожье, откуда вынужденно уходили карелы, Заонежские и Лопские погосты, через террито-

Учебная карта национальных карельских районов,
составленная А. Н. Вершинским

* Замосковье — северо-восточная Русь в XVI веке.

рии которых они продвигались в ходе переселения, характеризовались суровым климатом и малоплодородной, бедной почвой, но значительными водными ресурсами — реками и озерами (Ладожское, Онежское и Белое), а также обширными лесными массивами. Схожесть природных условий этих земель с почвенными, водными и биологическими ресурсами Тверского края, а также некоторые климатические преимущества сулили переселенцам экономическую выгоду.

Территория Тверского Верхневолжья отличалась типичным континентальным, холодно-умеренным климатом, с жарким летом и холодной зимой, с резкими и быстрыми колебаниями температуры. Для сельского хозяйства большое значение имел момент перехода среднесуточных температур от нуля до 5—10 градусов в апреле, что означало конец зимы и готовность почвы к обработке. Почвы в регионе — по преимуществу, песчаные и суглинистые — перемежались более плодородной серой землей [25: 13]. Рассматриваемая территория была небогата полезными ископаемыми, однако её явным преимуществом исстари считались водные ресурсы: поверхностные (реки, ручьи, озёра) и подземные. Обилие рек и озер открывало возможность для развития рыбных промыслов. Богатые зверем хвойные и мелколиственные леса гарантировали лёгкую добычу пушнины и промысловых птиц.

В «Генеральном соображении по Тверской губернии...», к примеру, Бежецкий уезд описывался так: «...местоположение в уезде большею частью «ровное», почва земли повсеместно требует удобрения, без которого хлеб родится дурно. В окрестностях уезда серый плодородный слой, не глубже двух вершков. Под ним обыкновенно лежит слой земли, смешанный с глиною. Протекают реки — Молога Медведица, Кушалка, Тифина, они были обильны мелкою рыбою, озера Глубокое, Ямново. Большие трети всего пространства уезда занимают леса — дровяной и строительный; леса богаты ягодами и грибами» [5: 65]. Значительная часть территории Бежецкого уезда (63%) была покрыта лесом [20: 77]. Лесные пространства, как правило, приписывались к дворцовым волостям и с давних времен сохраняли название «леса черного, обчего, царева и великого князя». Черный лес являлся одним из постоянных источников роста земельной площади [13: 81].

Безусловно значимым преимуществом были удобные водные пути из Приладожья на Валдайскую возвышенность и в Бежецкий Верх. Тверской край соединялся с побережьем Финского залива и Приладожьем двумя путями. Первый из них шел на Москву через Новгород, Валдай и Торжок. Второй соединял Московскую Русь с притоками Северной Двины, направляясь на Череповец, Бежецк. Оба пути использовались для транзитной торговли, соединяя экономические центры Европейской части России. Через западную часть Бежецкого Верха проходил Мстинско-Тверецкий путь, на северо-западе — Мологинский, а в центре водную артерию образовывали Молога и Медведица*. Все они вели к Волге, по которой транспортировались хлеб и другие товары. С конца XVI века на реке Мологе (ширина на территории Бежецкого Верха достигала 900 метров) вблизи Вельегонска располагалась ставшая известной Моложская ярмарка, где торговали хлебом, мехами, кожами, рыбой, гвоздями [26: 191].

Немаловажным представляется и тот факт, что Тверской регион располагался в отдалении от шведской границы, что снижало угрозу насильственного возвращения беглецов на прежние места. Поселяясь в Верхневолжье, карелы усваивали старые названия селений или пустошей, но бывали случаи, когда они переводили их на карельский язык [16: 132—133]. Несколько десятков таких названий сохранились и поныне в верховьях Мологи и Медведицы. Примерами могут служить следующие: Овсянники — Кагрушка, Хмелёвка — Гуммала, Берё-

* На притоках Медведицы — Ивице, Каменке, Яхrome, Кушалке, Пудице расположились карельские поселения.

зовка — Койвушка [25: 13]. Свои деревни карелы-переселенцы старались располагать около рек, озер или ручьёв, а если поблизости не было водоёма, то выкапывали большой пруд.

Хозяйство карелов в системе региональной экономики

Один из первых исследователей жизни тверских карелов земский статистик Д. И. Рихтер отмечал, что на исторической родине они жили гораздо «беднее остальных финляндцев, в некоторых местах безземельные крестьяне (бобыли) составляли 37%» [23: 227]. Покидая историческую родину, они надеялись найти «лучшие экономические условия, плодородные почвы и большие просторы» [16: 84]. То же подтверждается документальными свидетельствами, например: *«Сенька Трофимов с братией с Ивашкой да с Ерошкой в допросе (при переписи) сказали: вышли они из Лопских погостов, лет с тридцать скитались по миру в государственной стороне и в монастырских вотчинах, подрядных на себя никому не давали, а в Толмачеву слободу пришли на пустошь Бор в прошлом 173 (1665 г), двор у них не поставлен, земля не распахан, деньги в городское дело не взяты»; «в прошлых годах тому лет 70 и более, деды и отцы их вышли из-за Шведского рубежа из карельских городов, явились в Великом Новгороде и жалование из казны брали и подписывались, что жить им в дворцовых волостях вечно; и оные деды, и отцы их определились житьем в Новгородском уезде в Толмачевской волости на пустопорожных землях, и всякие государственные подати и дворцовые доходы платили с 99 дворов, а ведомы были в Москве в приказе Большого дворца»* [21: 84].

Политика первых Романовых по карельскому вопросу среди прочего была нацелена на упорядочение владельческих прав. Указами царя Алексея Михайловича 1684—1685 гг. «порозжие и обводные земли», смежные с дворцовыми и окружавшие их в радиусе 5—6 вёрст отписывались «корелянам под селидбу и подмогу»*. Для стимулирования переселения карелов именно на государственные земли предоставлялись льготы: денежная и хлебная ссуды, освобождение на несколько лет от государственных сборов, а главное — земельные участки в пользование [10: 81]. По истечении льготных лет переселенцы обязаны были нести «государево тягло» наравне с другими государственными крестьянами» [15: 34]. Налицо попытка сконцентрировать рабочую силу в одних руках.

Но переселение не сразу обернулось ожидаемыми результатами. Переход карелов со старого места жительства в пределы Верхневолжья, связанный с преодолением огромных расстояний, сопровождался обеднением, а порой и полным разорением переселенцев. Как правило, ни имущества, ни инвентаря, ни скота при переселении им сохранить не удавалось [10: 80].

В актовых документах XVII в. говорилось, что карелы поселялись «в таких местах, где были леса большие и болота топкие и работою своею рассекали и расчищали их многие годы»**, поэтому поля оставались долго «не высечены и пашня не распахана, а сенные угодья не большие, и те не роскошны и заросли лесами». Потому «хлеб пахать» им приходилось «на наемных, на помещиковых и на вотчинниковых, и на монастырских землях»***. Так случилось ещё и потому, что на территории Верхневолжья продолжались уже хаотичные миграции, и отдельные семьи оказывались на землях, вроде бы и предназначенных для них, но захваченных помещиками или монастырями, которые также остро нуждались в рабочей силе для восстановления разрушенного хозяйства.

Компактное расселение на территории Тверского края обеспечивало карелам не только этнокультурную замкнутость, но и сохранение традиций. В России «типичное крестьянское хо-

* Цит. по: [9: 382].

** Цит. по: [24: 97].

*** Цит. по: [13: 302].

*Карельская изба с сараем, Архитектурно-этнографический музей Василёво.
Фото Т. Г. Леонтьевой, 2017*

зайство «представляло собой небольшое сельскохозяйственное предприятие с его многовековой агротехникой и инвентарем, общинным севооборотом, семейным трудом [27: 31]. Это наблюдение за хозяйственной жизнью великорусского пахаря применимо и к карельским земледельцам, которые опирались на опыт, накопленный поколениями в природно-климатических условиях Севера. Известный исследователь экономики крестьянского хозяйства Л. В. Милов обнаружил оригинальный способ севооборота, распространённый в северных губерниях, когда на подсеках сеяли сразу две культуры: ячмень и рожь, при созревании ячмень сжинали, а ржаную озимь вытравливали. На будущий год «тут родилась изрядная рожь». В 1780–х гг. такая практика появляется в пределах Тверской губернии (зафиксирована в «Генеральном соображении по Тверской губернии») [17: 37]. Не карельские ли земледельцы привнесли и применили её?

Известно, что на полученных участках, лежавших по рекам Тверце, Мсте, Медведице, Мологе они взялись за расширение в лесных и слабо заселённых местностях площади пашни путём расчисток. Пригодились навыки подсечного земледелия: бежецкие, весьегонские и новоторжские карелы расчищали пустоши, заросшие лесом, подготавливали «нивы» (*kaski* — кар.). А. Н. Вершинский, ссылаясь на источник XVIII века, говорит о «нивах» как широко практиковавшемся приёме земледелия в северных уездах Тверской губернии, рассчитанном на повышенный урожай различных сельскохозяйственных культур в течение 3—5 лет [10: 87]. Подсеки были и в южной и юго-восточной частях губернии, начиная от верховьев Мологи, приблизительно от границы Моркиногорской и Скорыневской волостей» [20: 78].

В пределах Бежецкого уезда в первый год после расчистки сеялась репа, на следующий год — ячмень, на третий — рожь [17: 53]. После снятия «семи хлебов» земля снова запускалась под лес [17: 53]. Рожь оставалась «главной» культурой на пространстве всей Центральной России, поскольку произрастала «на всяких землях». С XVIII века в Тверской губернии начинает распространяться пшеница, требующая «тучных», унавоженных земель [5:3]. Довольно рано (во второй половине XVIII века) в полеводстве карелов начинают играть заметную роль посе- вы льна, что также свидетельствует о наличии у них высоких земледельческих навыков. Для

культивирования льна требовалась особая подготовка почвы, пашни и особые орудия труда. В Тверской губернии в районах локализации карелов применялись соха и отрез [5: 56, 94].

Не менее трудозатратной была обработка уже распаханых земель. Так, в Кашинском уезде, где почвы были не самыми тяжёлыми, на обработку одной десятины требовалось от 4,3 до 6,8 коне-дней (!). При этом крестьянин на пашне вышагивал в день по 8—12 километров. В карельском селе Алабузино с 33-мя деревнями Бежецкого уезда из-за тяжёлых почв пашню приходилось «двоить» и даже «троить» — т. е., вспахивать по два-три раза [17: 195—196]. Но насколько велики были земельные владения карелов? Обратимся к цифрам.

Согласно данным переписной книги 1717 г. на один двор, к примеру, в Каменском стане Прудовской дворцовой волости, где преимущественно проживали карелы, приходилось в среднем 7,3 десятины пахотной земли [1: 254—256]. «Генеральное соображение по Тверской губернии» (1783 г.), не выделяя карельские дворы, называет средней величиной пахотной земли на двор 6 десятин. Длительное время в историографии бытовали данные А. Н. Вершинского и Д. А. Золотарева (1920—1930 гг.), которые подсчитали, что у дворцовых крестьян на вторую половину XIX века приходилось в среднем по 5,5 десятин на душу мужского пола, у помещичьих — по 4 или 4,5 десятин» [11: 19]. Очевидно, что разница среднего показателя в одну десятину вряд ли могла обеспечить карелам конкурентное преимущество.

Но по подсчетам А. Ю. Андреевой, в середине XVIII века при среднем показателе размеров надела в 9,4 десятины земли на крестьянский двор, у карелов, проживавших в Новоторжском уезде, он составлял на одно хозяйство (две ревизские души) — 13,6, в Вышневолоцком — 10,8, Бежецком — 14,6, Весьегонском — 13,6 десятин [17: 195—196].

Другими исследователями на основании писцовых описаний карельских дворцовых вотчин Бежецкого Верха (1665, 1669—1670, 1678 и 1698 гг.) земельные угодья (в том числе, и пахотные земли) в каждой карельской деревне исчисляются в пределах от 5 до 13 десятин на двор [9: 380—386]. Эти заключения подтверждают тезис, бытующий в современной историографии, о преимуществах принадлежности к дворцовому ведомству [10: 84]. Действительно, хозяйство карелов не везде находилось в одинаковых условиях, дворцовые крестьяне были намного обеспеченнее землей, чем крестьяне других категорий (монастырские и частновладельческие).

Важным элементом карельского крестьянского хозяйства на новых местах становятся промыслы. Изобилие лесных ресурсов позволяло заниматься переработкой древесины: обжигом угля, дегтярным промыслом, смолокурением, выгонкой канифоли, изготовлением колес, саней, деревянной посуды. Крестьяне, проживавшие в глухих лесных районах, занимались охотой [5].

Практически все семьи держали молочный скот, а зажиточные вели животноводческое хозяйство [7: 374]. В нечерноземной полосе на протяжении столетий складывалась система разведения скота, подчинённая принципам натурального хозяйства и так называемому «критерию целесообразности». Лесная зона Нечерноземья была «крайне неблагоприятной» для развития скотоводства: климатические условия требовали длительного стойлового содержания, что, в свою очередь, создавало проблему снабжения кормами. Заметим попутно, что в Тверской губернии в расчёте на мужскую душу приходилось по 0,4—0,7 десятины покоса [17: 235]. Кроме того, обилие лесов, низких сырых мест, холодный климат оказывали пагубное воздействие даже на домашний скот, приводили к падежу и эпизоотиям [17: 246, 251, 255; 5: 28]. В 1669 г. в дворцовых карельских волостях Бежецкого уезда, в 79 селах и деревнях (514 дворов с 1427 душами мужского населения), заселившихся незадолго до описания, было 942 лошади и 130 жеребят, 1465 коров, 800 телят, 1347 овец, 1243 свиньи и 4 козы [13: 452]. Получается, что в сред-

*Карельский двор, Архитектурно-этнографический музей Василёво.
Фото Т. Г. Леонтьевой, 2017*

нем в каждом дворе имелась лошадь, по 2—3 коровы, столько же овец и свиней. Эти кажущиеся избыточными показатели — всего лишь прожиточный минимум для крестьянского хозяйства. По данным Вольного Экономического общества однопольный «средственный» крестьянин в рассматриваемом регионе имел 2 лошади, 2 коровы, 2 овцы [17: 233].

Хозяйство карелов начинает выравниваться уже в начале XVIII века. Подсчёты по переписной книге Бежецкого уезда 1709 г. позволяют утверждать, что в каждом карельском дворе было в среднем по 2 лошади, 2—3 коровы, овцы, свиньи, домашняя птица [4]. Для сравнения отметим, что в карельских дворах северных погостов в среднем содержалось по 2 лошади, 4—5 коров, 4—5 нетелей, 4—5 овец [10: 83]. Эти данные совпадают со статистикой по сопредельным уездам [7: 374].

В 1729 г. в карельских дворах Толмачевской волости (по мнению В. И. Покровского — одной из беднейших в Бежецком уезде) на каждые 100 мужских душ имелось до 50 лошадей, 55 коров и 80 овец [21: 82]. В пользовании крестьян этой волости было 483 десятины пахотной земли, что означает по 161 десятины «в поле, а в дву по тому ж». На каждую паровую десятину приходилось по 5 голов крупного и по 10 — мелкого скота. Исследователи отмечают признаки специализации крестьянских хозяйств в дворцовых волостях Бежецкого уезда, выделяют наличие в некоторых дворах молочного животноводства и свиноводства, а где-то отмечают преимущественное количество голов рабочего скота (лошадей) [7: 373—379].

В «Книге конской таможни» за 1759 г. содержится 41 запись о приобретении лошадей, в 17 из них фигурируют карелы: «Бежецкого уезду вотчина порутчика Александра Владимировича Нарбекова деревня Степанкова крестьянин Алексей Иванов продал кобылу ... а купил Ременской волости села Дымнаго корелянин Иван Иванов»; «...крестьянин Клементий Игнатьев променял кобылу ... дворцовой Селецкой волости д. Житникова у корелянина Никиты прозванием Кухтенок...»; «Дворцовой Покровской волости д. Логинихикорелянин Константин Семенов купил кобылу...»*. И тем не менее, по свидетельству современников, «скота в [Тверской] губернии мало, весьма мелок, и держат его лишь для удобрения навозом полей».

* См.: [2].

Земля, действительно, регулярно удобрялась, что указывает на развитость земледельческой культуры в карельских хозяйствах*. По словам наблюдателя (XVIII век), в Бежецком уезде пашня требовала «удобрения довольным навозом, которую завсегда... они одобряют к севу... дважды, но и трижды. А ежели когда пашнею и навозом не удобряют, то многие и хлеб, за недостатком покупают»**. На то же указывает и разнообразие высеваемых культур***. Так, в Толмачевской волости ржи высевалось 156 четвертей, овса — 164, жита — 90, гороха — 16, конопли — 5, льна — 16 четвертей. Сенных покосов было столько, что крестьяне могли снимать ежегодно по 3720 волоконных копен сена. В этой отрасли сельского хозяйства, так же, как и в скотоводстве, прослеживается специализация.

Применительно к локализации карельских дворохозяйств «огородная карта» отличалась простотой и разнообразием: в Весьегонском уезде сажали много картофеля, но не редкостью были огурцы; в Кашинском и Краснохолмском из года в год собирали большие урожаи огурцов, в Весьегонском, Вышневолоцком, Зубцовском уездах репу выращивали не только в огородах, но и на полях. Повсеместно (при посредственных урожаях) взращивали капусту, морковь, лук, чеснок, свеклу. В традиционной системе землепользования разнообразие высеваемых культур также относится к признакам развитости земледельческой культуры***.

Ряд примеров можно продолжить, но они не дают чёткого ответа на вопрос: богатыми или бедными были карельские хозяйства Тверского Верхневолжья? Составители «Генерального соображения по Тверской губернии» в конце XVIII века утверждали, что карелы Бежецкого уезда «живут избыточно» [5: 68]. Вслед за ними некоторые современные исследователи экстраполируют это заключение на весь карельский мир. Земские деятели, занятые обследованием крестьянских хозяйств Тверской губернии в 1880-е гг., давали более сдержанную оценку и отмечали, что карельские хозяйства нуждались в дополнительных вложениях [21: 83].

Так или иначе, совершенно очевидно, что карелы-переселенцы и их потомки успешно адаптировались к природно-климатическим условиям тверского Верхневолжья, экономически устойчивые хозяйства преобладали, а высокий уровень животноводческой культуры карельских крестьян [8:45—59] не только поддерживал индивидуальные хозяйства, но и способствовал становлению «молочного дела» в Тверской губернии, которое к концу XIX века становится товарным [19:12].

Источники и литература

Источники

Неопубликованные

1. Книга переписная посадских людей, церковнослужителей и разночинцев г. Бежецкого Верх, помещичьих, монастырских и описных крестьян (русские и карелы) Городецкого, Каменского стана ... Бежецкого уезда // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 18. Л. 254—256.
2. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 60. Оп. 1 Д. 616.
3. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3231. Л. 1—1 об.
4. ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 232. Л. 1123—1125.

* По мнению современных теоретиков вопроса «пренебрежение удобрениями» характерно для примитивных обществ [14:96].

** Цит. по: [17: 196].

*** Разнообразие высеваемых культур считается значительным достижением индивидуального хозяйства. См.: [14:98].

Опубликованные

5. Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—1784 гг. Тверь, 1873.

Литература

6. Андреева Л. Ю. Государственная политика в отношении верхневолжских карел в середине XIX — начале XX вв.: социально-экономический аспект / Л. Ю. Андреева // Молодой ученый. — 2010. № 8 (19). Т. 2. С. 97—101.
7. Болотина Н. Ю. Хозяйство карельских дворцовых крестьян в начале XVIII в. (по данным «свывозной и селитебной» книги стольника И. И. Сумарокова 1702 г.) / Н. Ю. Болотина, А. И. Комисаренко, А. Ю. Кононова // Русь, Россия. Средневековье и новое время. 2015. № 4. С. 374.
8. Болотина Н. Ю. Списки писцовых книг приказа Большого дворца как источник изучения хозяйственного быта карельских дворцовых крестьян во второй половине XVII — начале XVIII в. / Н. Ю. Болотина, А. И. Комисаренко, А. Ю. Кононова // Отечественные архивы. 2017. № 2. С. 45—59.
9. Болотина Н. Ю. Сведения о пахотных землях карельских дворцовых крестьян в писцовых книгах карельских дворцовых вотчин во второй половине XVII в. / Н. Ю. Болотина, А. И. Комисаренко, А. Ю. Кононова // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 382.
10. Вершинский А. Н. Очерки истории верхневолжских карел в XVI—XIX вв.
11. Вершинский А. Н., Золотарев Д. А. Население Тверского Края. Тверь, 1927.
12. Головкин А. Н. История Тверской Карелии; Карелы: от язычества к православию. Тверь, 2008.
13. Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. Москва, 1906.
14. Дюмон Р. Сельское хозяйство как использование и преобразование природы // Крестьяне и фермеры в современном мире / Пер. с англ.; сост. Т. Шанин. Москва, 1992.
15. Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.
16. Иофа Л. Е. Карельская зона. // Уч. Зап. МГУ. Москва, 1940. Вып. 38.
17. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Москва, 1998.
- Ноордам Д. И. Демографическое развитие Западной Европы в XV — XVIII вв. // От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. Москва, 1998.
18. Памятная книжка и адрес-календарь Тверской губернии. Тверской губернский статистический комитет. Тверь 1895 г.
19. Петровский С. Г. Основные черты хозяйственного быта Бежецкого уезда конца XVIII века // Историко-краеведческий альманах «Бежецкий край» Выпуск № 2. 2012. С. 77.
20. Покровский В. И. Заметка о корелах Тверской губернии // Тверские губернские ведомости. Тверь, 1885. № 2.
21. Постников И. Н. Бежецкий Верх. Историко-географический очерк // Литературное и краеведческое наследие о. Иоанна Постникова / сост. М. В. Волкова. Тверь, 2012.
22. Рихтер Д. Корелы // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб., 1895. Т. XVI.
23. Семенов И. П. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Вып. 1. СПб., 1899.
24. Смирнов А. К. Поречье Бежецкого края. Исторический обзор. Москва, 2015.
25. Тюменев И. Ф. От Тихвина до Весьегонска // Исторический вестник. 1899. Апрель.
26. Шанин Т. Крестьянский двор в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире / пер. с англ.; сост. Т. Шанин. Москва, 1992.

Households of the Tver Karelians and the natural resource potential of the region (the 17th and the 18th centuries)*

Tatiana Leontieva*

Anna Osipova (Polevaya)**

Tver State University

*Professor, Dean of the Faculty of History

**Graduate student

Abstract: The article determines the influence of the environment and natural resources (geographical location, topography, raw materials, climatic, water, land, botanical and biological factors) on the processes of adaptation of the Karelians and the specifics of their household arrangements in the Tver Upper Volga region. The study deals with the characteristics of the geographical location of Tver Karelia. The authors observe the relationship between the natural factors and the successful integration of the migrants into the existing system of regional economy

Keywords: Tver Karelia; Upper Volga; 17th—18th centuries; Karelians; migrants; environment; adaptation processes.

* The research was carried out as part of the Academy of Finland project No 14997 “The Integration of the Karelian Periphery in European Society”